

Научная статья

УДК 32:1

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.4.7>

Методологическая программа Джона Покока в парадигме подходов Кембриджской школы интеллектуальной истории политической мысли

Олег Сергеевич Яновский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия, o.yanovsky@inno.mgimo.ru

Аннотация. Статья посвящена методологической программе ключевого представителя Кембриджской школы интеллектуальной истории Джона Покока. Он представляет широкое движение историков и политических теоретиков, выступающих против идеалистических аисторических подходов в истории политической мысли. Важнейшей составляющей подхода Покока являются его методологические наработки, использующие политический язык в качестве основного исследования политического дискурса определенного отрезка истории. Для Дж. Покока история политической мысли тождественна истории динамического политического обсуждения, или дискурса, производимого историческими акторами, и ограниченного набора специфических контекстов. Именно понимание «политического языка» в контексте времени и среде, в которые помещен автор, служит ключом к пониманию того, что имел в виду автор, почему он писал именно об этом. В статье разбираются методологические подходы Покока, направленные на выявление и исследование политических языков и механизмов корректной интерпретации мыслей исторических акторов в политической философии.

Ключевые слова: Джон Покок, интеллектуальная история, политический язык, история политической мысли, методология, Кембриджская школа

Для цитирования: Нежигай Э.Н. К вопросу производственной культуры предприятий Краснодарского края в 50-е гг. XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 48–52. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.4.7>.

Original article

The methodological program of John Pocock in the paradigm of the approaches of the Cambridge School of Intellectual History of Political Thought

Oleg S. Yanovsky

MGIMO University, Moscow, Russia, o.yanovsky@inno.mgimo.ru

Abstract. The article deals with the methodological program of one of the key representatives of the Cambridge School of intellectual history of John Pocock. Pocock represents a broad movement of historians and political theorists opposed to idealistic ahistorical approaches in the history of political thought. The most important component of Pocock's approach is his methodological developments, using political language as the main study of the political discourse of a certain historical time. For Pocock, the history of political thought is the history of a dynamic political discussion or discourse produced by historical actors and limited to specific contexts. In this case, it is the understanding of the "political language" in the context of the time and environment in which the author was placed that serves as the key to understanding what exactly the author wanted to mean in his works, and also why he wrote about it. The article analyzes Pocock's methodological approaches aimed at identifying and studying political languages, as well as mechanisms for the correct interpretation of the thoughts of historical actors in political philosophy.

Keywords: John Pocock, intellectual history, political language, history of political thought, methodology, Cambridge School

For citation: Yanovsky, O.S. (2022) The methodological program of John Pocock in the paradigm of the approaches of the Cambridge School of Intellectual History of Political Thought. *Society: Politics, Economics, Law.* (4), 48–52. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.4.7](https://doi.org/10.24158/pep.2022.4.7) (In Russian).

Джон Покок безусловно является одним из наиболее выдающихся историков политической мысли и политических теоретиков XX века. Он стоит в ряду ярчайших фигур Британской интерпретативистской методологической традиции. Покок, представитель Кембриджской школы интеллектуальной истории и истории политических идей, был признан академическим сообществом за то, что стал одним из родоначальников «контекстуального» и «лингвистического» поворота в изучении политических текстов (Boucher, 2012). Вместе с представителями Кембриджской

школы он бросил вызов доминирующим в то время академическим догмам, утверждающим сакральное внеисторическое значение «великих» текстов политической мысли. Критикуя подходы, которые можно обобщить как идеалистичные или составляющие часть «виговской историографии», Покок помог открыть миру «таинства контекстуализации», предположив в своих методологических программах рассматривать тексты по политической мысли прошлого как прежде всего исторические документы, написанные реальными людьми, находящимися и размышляющими в конкретных обществах. При этом для Покока главным ключом к пониманию того, что на самом деле хотел *сказать* автор в своей работе является «политический язык» (Россок, 2011; С. VIII). Таким образом, актуальность данного исследования заключается в более детальном раскрытии аспектов методологической программы Покока – проблематики «политических языков», или «языков второго порядка».

Методологические подходы Покока основываются на признании доминирующей роли языка в формировании дискурса и политической реальности. Многие историки и политические теоретики, следовавшие традиции «лингвистического поворота», приходили к тому, что понимание идей во времени влекло за собой идентификацию множества языков, с помощью которых эти идеи были сформулированы (Яновский, 2020). Речь идет не о конкретном языке (английском или французском, например), а о тех языковых конвенциях, которые определяли и формировали политический дискурс (например, язык общего права в английском политическом дискурсе XVII–XVIII веков). Такого же мнения придерживается и Покок, считая, что политическая мысль представляет собой политическую дискуссию, происходящую в исторически обособленном контексте. Такая дискуссия производится посредством множества языков и состоит из множества языковых актов, которые в совокупности и составляют историю политической мысли (Россок, 2011; С. XI–XIII).

При этом как минимум один из этих языков выступал в то же время языком не только политической, но и исторической дискуссии. Эта конкретная дискуссия вместе с другими формировали «дискурс истории» или «историографию». Для Дж. Покока это открытие положило начало пониманию историографии как формы политической мысли, при этом предоставляя историку «агентность» в формировании дискурса. Такое понимание основывалось также на явном разрыве между политической теорией или политической мыслью и философией (Россок, 2011; С. XXI).

По Пококу, историк должен изучать элементы социальных структур и культурных традиций, которым общество отдает предпочтение, в целях определения социального поведения, языков и идей, которые были использованы внутри этого общества, а также в рамках проводимых внутри него политических дискуссий (Россок, 2011; С. XXVI–XXVII). Важность данного взгляда заключается в необходимости рассматривать историческое событие как многослойную и многомерную структуру, состоящую как из множества контекстов, так и из множества составляющих частей, влияющих на этот контекст, и на агентов исторических событий внутри них. При этом следует понимать, что и сам исследователь занимается не получением «знания», а приближением к нему. То есть речь идет о «понимании» или даже «интерпертации» конкретного текста как исторического события. Так, историк пишет историю политической мысли в том же ключе, что и политический мыслитель.

По Дж. Пококу, политический мыслитель должен быть понят как социальное существо, чьи мысли являются социальными действиями или лингвистическими событиями. Покок верит, что историк политической мысли в работе является студентом социального поведения, так как его задачей является определение характера и инструментов обсуждений политической проблемы в определенном историческом контексте (Sheppard, 2016). Слова и концепции, которые он использует, будучи частью общего наследия и устоявшихся конвенций, стесняют его в возможности свободно концептуализировать и теоретизировать.

На основании этого Покок предложил рассматривать исторических авторов как существующих внутри сообществ индивидов, использующих *политические языки* или *дискурсы*. Эти языки состоят из грамматики, риторики и наборов предположений, которые управляли механизмами понимания идей и их использования в практической политике.

Историография, согласно Пококу, таким образом, укоренена в автономии личности, в то время как она сталкивается с историческими проблемами, возникшими в обществе. Особенно это становится актуальным в рамках изучения постоянно усложняющихся со временем межличностных отношений в обществе, обогащенных и организованных различными вокабулярами, которые частично составляют социальный опыт.

В то же время основной субъект историографии для Покока лежит в другой плоскости. Как отмечал Кеннет Шеппард, у Дж. Покока индивиды в их истории являются скорее парадигмами, чем людьми-концептами, использование которых возможно при условиях конструирования моделей долгосрочных изменений (Sheppard, 2016).

Говоря о роли самого исследователя в понимании интерпретации политической мысли прошлого, Покок настаивает на методологическом плюрализме. Прежде всего необходимо отметить, что Джон Покок абсолютно отвергает обращение к одной общей теории как источнику объяснений того, что лежит в сфере его исследовательских интересов. Он разделяет свою деятельность на развитие теории и иллюстрирование ее в политических исследованиях (Minogue, 1981). Как и его вдохновители, он считает, что теория не может существовать без практики, а методология тесно переплетается с эпистемологией.

В своей работе «Концепция языка и критерия истории: некоторые соображения о практике» (The Concept of a language and the metier d'historien: some considerations on practice) Покок отмечает: то, что ранее называлось историей политической мысли, гораздо более точно будет называть историей политического дискурса – изучением некоторого динамического нарратива или парадигмы (Pagden, 1987). По его мнению, авторы в нашей истории думали, что они все же принадлежали к определенным сообществам, например таким, как интеллигенция или духовенство, и были тренированы мыслить специфическим образом. Это может свидетельствовать об искусственном явлении (социальной конструкции), а не о естественной социальной трансформации. Но для включения их или их размышлений в историю нужна деятельность или последовательность действий, состоящие из сделанного и произошедшего, из условий, в которых они были совершены. Более того, эти условия были прямым или непрямым образом изменены или скорректированы действиями, совершенными в их рамках или непосредственно в них. Можно предположить, что область исследования состоит из речевых актов разного рода, условий или контекстов, в которых эти акты были произведены. Из этого следует, что в концепции языка один из основных контекстов, где произошел акт высказывания, образован институционализированной формой речи, которая сделала это высказывание возможным. Для того чтобы что-либо сказать или написать, должен существовать язык, позволяющий это сделать.

Язык определяет, что может быть сказано. Но он также может быть скорректирован тем, что уже сказано. Так, существует история сформированная *langue and parole*, или «языком и высказыванием». Дж. Покок не утверждает, что языковой контекст является единственным в плане придания речевому акту значение и истории, но он является именно тем контекстом, с которого следует начать исследование (Рососк, 2011). В продолжение этого подхода историк настаивает на следующем: чтобы иметь свою историю, мысль должна быть высказана, и эта история должна быть рассмотрена как взаимодействие речевых актов и языка. После признания подобной сущности истории исследователь может сделать важнейший шаг и заняться созданием нашей истории как истории дискурса.

Стиль работы Джона Покока состоял прежде всего в определении языка политической концептуализации; далее он выбирал шаблоны скрытых смыслов, которые они могут нести, затем попытался отследить, как они работали в истории политической мысли. Все это требовало как исторической чувствительности, так и чувствительности к паттернам политических поведений: концептуализации, аргументации, теоретизировании всех форм политического поведения (Рососк, 2011; С. XX–XXV). Таким образом, первым этапом в данной методологии стал совет исследователю определить дискурс конкретного периода, формирующий идеологический контекст (парадигму) и доступный авторам для изменения, формирования или выражения их доводов и утверждений.

Дж. Покок особо акцентирует внимание на том, что историк, пользующийся кембриджским методом, изучает языки, на которых кто-либо высказывался ранее, а не высказывания на определенных языках (Рососк, 2011; С. 89). Тот тип исследования, которому Покок уделяет внимание, рассматривает исторические тексты и документы как медиа политического дискурса прошлого, в которых автор через речевой акт пытается вовлечь читателя в полемику в определенном контексте. Ответные действия респондента приводят к спору или рефлексии, что в дальнейшем выливается в дискурс. Подобный дискурс происходит в контексте совместного использования языков и состоит из того, что Витгенштейн определял как языковую игру (Рососк, 1981). Дискурс, который со временем специализируется на воспроизведении риторических и парадигмальных функций, относящихся к концептуализации, и позже – к политической практике, становится медиа речи и общественной полемики и, следовательно, подвержен изменениям под влиянием речевых актов, совершенных в его рамках.

Следующим методологическим шагом в программе Покока является определение ограничений, которые эти дискурсы накладывали на политические возможности автора. Высказывание автора, таким образом, подвержено анализу для того, чтобы увидеть, насколько сильно оно подтверждает или изменяет дискурс или парадигму, внутри которой оно существует (Рососк, 2016). Однако важно понимать, каким образом автор совершил речевой акт и как он стал частью дис-

курса. Предполагается, что авторы политических текстов часто вовлечены в дискурсы или парадигмы как осознанно, так и неосознанно, и их собеседники, также вовлеченные в процесс обсуждения аргументов автора, находятся в аналогичном положении.

Следуя методу Покока, исследователь постепенно продвигается от изучения языка к установлению актов высказывания, которые были произведены в них (Роскок, 2011; С. 97). После этого необходимо уловить и установить эффекты этих актов, произведенные на обстоятельства и характер других агентов, которые использовали или были подвержены использованию языков, точнее, «на» языках, «в» которых они были произведены.

Один из таких языков, когда он выработан, может превратить размышления о политике в автономную теоретическую деятельность и принять такие формы, как политическая философия или политическая наука. В данном контексте можно предположить, что историк политической мысли является историком данных форм автономной теории. Но как только мы определяем политическую мысль как язык политических дискуссий, задача становится трудновыполнимой: в данном контексте практическое и теоретическое неразделимы, один и тот же политический вопрос может одновременно быть обсужден в рамках вокабуляра, позаимствованного из социальных традиций, и вокабуляра, специализированного на выдвигании универсальных утверждений о политике как таковой.

В случае Джона Покока данный метод принимает основную форму изучения истории политического дискурса Англии раннего модерна. Начиная с уже достаточно древнего и специализированного слова общего права, каждый другой язык, задействованный в дискурсе, имеет свой собственный язык или риторику, таким образом обладая своей собственной терминологией, стилем и нормами. Используя данный метод, значительную часть своего времени исследователь тратит на изучение риторики и изучения этих «языков» в целях приобретения возможности распознать их в изучаемом тексте. В таком случае, исследуя определенную работу и внезапно замечая, что некая часть ее составлена в виде идиомы, риторики или языка, знакомых историку, он может обратиться к предварительно изученным паттернам значений.

Подытоживая, отметим, что методологические подходы Джона Покока выполняют ключевую функцию с точки зрения понимания политической мысли. С их помощью «историк учится читать» (Роскок, 1981). С погружением в понимание политических языков он становится все более осведомленным о великом разнообразии речевых актов, актов распознавания и коммуникации, которые автор или его текст сумели совершить и которые образуют исторические события, инкапсуляцией которых является изучаемый текст. Во многом работа Покока есть продолжение теорий Майкла Оукшотта и его концепции «практики» (Minogue, 1981). Также исследования Покока могут быть помещены в рамки интерпретативистской парадигмы исследований политической теории, что в таком случае открывает новые горизонты для дальнейшего изучения. Так, использование методологии Покока, согласно которой определение политических языков как парадигм, а политической реальности – как продолжающейся общественной полемики, ограниченной множеством контекстов и происходящей в рамках конкретных социо-общественных традиций, дает возможность корректного понимания истинного значения важнейших текстов в истории политической мысли.

Список источников:

- Яновский О. С. Языки Политики и политика языков. Российский взгляд на Кембриджскую школу // Полис. Политическая исследования. 2020. Том 29. № 1. С. 170–178. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.13>.
- Boucher D. Texts in context. Dordrecht, 2012. P. 74.
- Minogue K. Method in Intellectual History: Quentin Skinner's Foundations // *Philosophy*. 1981. Vol. 56. № 218. P. 533–552. <https://doi.org/10.1017/S0031819100050567>.
- Pagden A. (ed.) *The languages of Political Theory in Early-Modern Europe*. Cambridge, 1987. P. 362. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521447>.
- Pocock J. *The Machiavellian Moment* / 1st ed. Princeton, 2016. P. 664.
- Pocock J. *The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought*. MLN. 1981. Vol. 96. P. 959–980. <https://doi.org/10.2307/2906228>.
- Pocock, J. *Political Thought and History* / 1st ed. Cambridge, 2011.
- Sheppard K. J. G. A. Pocock as an Intellectual Historian // *A Companion to Intellectual History* / R. Whatmore, B. Young (eds.) P. 113–125. Oxford, 2016. <https://doi.org/10.1002/9781118508091.ch9>.

References:

- Boucher, D. (2012) *Texts in context*. Dordrecht, *Martinus Nijhoff Publishers*. P. 74.
- Minogue, K. (1981) *Method in Intellectual History: Quentin Skinner's Foundations*. *Philosophy*. Vol. 56, № 218, 533–552. Available from: [doi:10.1017/S0031819100050567](https://doi.org/10.1017/S0031819100050567).
- Pagden, A. (ed.) (1987) *The languages of Political Theory in Early-Modern Europe*. Cambridge, *Cambridge University Press*, P. 362. Available from: [doi:10.1017/CBO9780511521447](https://doi.org/10.1017/CBO9780511521447).

Pocock, J. (1981) The Reconstruction of Discourse: Towards the Historiography of Political Thought. *MLN*, Vol. 96, 959–980. Available from: doi:10.2307/2906228.

Pocock, J. (2011) *Political Thought and History*. 1st ed. Cambridge, *Cambridge University Press*.

Pocock, J. (2016) *The Machiavellian Moment*. Princeton, *Princeton University Press*, P. 664.

Sheppard, K. J. (2016) G. A. Pocock as an Intellectual Historian. *A Companion to Intellectual History*. Whatmore, R., Young, B. (eds.). Oxford, *John Wiley Sons*, 113–125. Available from: doi:10.1002/9781118508091.ch9.

Yanovsky, O. S. (2020) Political languages and the politics of languages. The Russian perspective on the Cambridge school Polis. *Political Studies*. 1, 170–178. Available from: doi:10.17976/jpps/2020.01.13. (in Russian)

Информация об авторе

О.С. Яновский – преподаватель кафедры политической теории, факультета управления и политики МГИМО (Университет) МИД России.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1100798.

Information about the author

O.S. Yanovsky – Lecturer, Department of Political Theory, School of Governancy and Politics, MGIMO University, Ministry of Home Affairs of Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1100798.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.03.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.01.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 19.04.2022.